

Николай Петрович Вагнер

Два вечера

Н. П. Вагнер
ДВА ВЕЧЕРА

Ветер бил дождём в окна. На дворе было темно, сыро и холодно.

Но в большой, чистой комнате — тепло и уютно.

Светло горит лампа на круглом столике, перед мягким, большим диваном. Тихо теплится лампадка перед большим распятием, что висит в углу над диваном.

Распятие старинной итальянской работы из слоновой, уже пожелтевшей кости. Ровный свет лампадки пробегает лёгкими, нежными тонами по всей фигуре и мягким светом освещает голову Распятого. И вся фигура резко отделяется от креста из чёрного дерева.

— Мама! — говорит шестилетний кудрявый ребёнок матери, что сидит на диване и быстро вяжет длинный тёплый шарф. — Мама! Ведь это Христос распят?

— Да! Христос! — и она мельком оглядывается на распятие и снова погружается в свою работу.

— Как же Он распят? Расскажи мне, мама, что значит распят?

— Это значит, что Его прибили гвоздями к кресту.

— Как прибили гвоздями?!

— Так! — она оставляет работу и берёт за ручку ребёнка. — Приложили Его руки вот так к деревянному кресту, и в каждую руку вколотили гвоздь молотком, гвозди пробили руки насквозь и вошли в дерево. Потом сложили Ему ноги и сквозь них тоже вбили большой гвоздь в дерево, потом крест врыли в землю, и так висел Он на этом кресте целый день, пока не умер.

Ребёнок побледнел. Его чуткое, восприимчивое воображение живо нарисовало весь ужас страшной кровавой казни.

— Мама! Ведь Ему было очень больно? — спросил он, стараясь не верить своему впечатлению, — больно... до крови?

— Да! Очень, очень больно.

— Зачем же это с Ним сделали? Разве Он был злой?!

— Нет! Он был добрый, очень добрый, Он был добрее всех людей, которые были и будут когда-нибудь на земле, потому что Он был не только человек, он был Бог!

— Зачем же Его так убили?

— Затем, что Он всем желал добра. Он го-

ворил, что Бог, Его Отец, добр и за тем послал Его на землю, чтобы все узнали, как Он добр. И Он делал много добрых дел, и много народа ходило постоянно за ним. А злые завидовали Ему. Он уличал их во лжи, зависти, в злых делах. И вот за всё за это схватили Его и казнили.

— И за это им ничего не сделали?! — И на лицо мальчика набежала краска, и слёзы за сверкали на глазах его... — Я бы их всех прибил гвоздями к деревьям.

И он сжал маленькие кулаки.

— Зачем же? — говорит мама. — Ты сделал бы очень дурно. Никогда не должно платить злом за зло. Это говорил Он, Христос, и когда Его распяли, как ни больно было Ему, но Он, умирая, молился за тех, которые Его распяли, молился, потому что Он любил всех людей, и добрых, и злых... Ведь каждый злой человек не был бы злым, если бы вокруг него не было ничего злого и если бы он сам не мог делать зла.

Мальчик долго смотрел на распятие, на Его опущенную голову, на искажённое страданием лицо, на полуоткрытые уста, которые,

казалось, шептали молитву и повторяли одно и то же великое слово любви к человеку.

— Мама! — сказал он наконец. — Я буду добр, я буду всех любить, и добрых, и злых.

— Да, — сказала мама, — будь добр и люби всех, всех людей. Если ты будешь любить всех, то ты будешь хорошо учиться, потому что только тот, кто много знает, может сделать много добра всем людям и тот действительно любит всех людей.

И она пристально посмотрела на него, она сдвинула кудрявые волосы с его лба и поцеловала этот ещё небольшой, но уже высокий и крутой лобик.

— Может быть, — подумала она, — в тебе действительно вырастет любовь к знанию, истине, на пользу и благо всех людей. Может быть, Он уже отметил тебя и вложил в твоё сердце эту великую любовь. — И она с тихой, безмолвной молитвой взглянула на распятие...

И тихо теплится лампадка. Светло, тепло, уютно в большой, тёплой комнате. А ветер бьёт дождём в окна. На дворе темно, сыро и холодно.

Прошло чуть не целое столетие. Целая длинная человеческая жизнь, полная постоянными, долгими трудами, улеглась в этот промежуток.

Был опять вечер. Ветер бил дождём в окна. На дворе было темно, сыро и холодно.

В большой комнате, на большом диване, лежал больной, дряхлый, умирающий старик. Странно было всё в этой тёмной, пыльной комнате. Тусклый свет лампы чуть-чуть освещал её углы и все разбросанные в ней вещи; книги в стенных шкафах, с полу до потолка, книги на столах, на креслах, на полу, в грудах, в столбцах — развёрнутые, разорванные, разбросанные. Разные инструменты, снаряды и аппараты...

*Никто с них пыли не сотрёт,
Их червь и точит, и грызёт...*

Да! Это был кабинет учёного, и сам хозяин его лежал тут же, на старом, мягком диване. Он едва двигался. Он знал, что дни его сочтены, и в его уме, ещё здоровом и крепком, в его памяти, ещё светлой и сильной, как бы сама собою развёртывалась длинная панорама

жизни, пол ной тревоги и трудов. Он перевертывал страницу за страницей из прожитого. Он искал итогов, и чем дальше искал он, тем тревожнее становилось бледное лицо его. Мучительная дума давила его.

Вон лежит целый толстый свёрток всяких дипломов на разные почётные звания и отличия.

— *Vanitas vanitatum et omnia vanitas!* — шепчет старик. — Благородная конкуренция!

Погремушки, которыми хочет свет выразить уважение к тебе и тешит и себя, и тебя, как ребёнка.

Вон стоит длинный ряд мемуаров — его мемуаров. Сколько в них собрано новых фактов, сколько открытий!

— Всё мелочи, мелочи, — шепчет старик. И ему чудится, как развёртывается перед ним длинный ряд всяких специальных тонкостей, которые он изучал с любовью и описывал с таким наслаждением.

Из всех этих кропотливых трудов ни одного вывода. Всё проходит длинной вереницей мелких микроскопических фактов.

— Ведь всё это ради великого знания: ко-

гда-нибудь всё это пригодится, шепчет старик. — Всё это ради тебя, о святая истина, к которой вечно будет стремиться человечество. Всё это твоё, о великое дело самосознания.

И лицо старика становится спокойно-восторженным, его глаза блестят, губы шепчут что-то вроде молитвы.

И вдруг испуг, страдание пробежали по этому лицу. Старик приподнялся, он прямо смотрит в один угол. Что-то белеет там. Какая-то головка бледная, бледная выглядывает из-за груды книг, из-за рычагов инструментов.

Старик узнал эту голову. В памяти его ярко нарисовалась сцена из давно прошедшего, далёкого детства. Вот сидит его мать, сидит на том самом большом, мягком диване, на котором он лежит теперь больной, умирающий. Вот он смотрит на ту же самую голову, на которую смотрит и теперь. — Мама! — вспоминает он, — ведь это Христос распят? — Да, Христос, — отвечает мать. — Только тот... вспоминается старику, — только тот, кто много знает, может сделать много добра всем лю-

дям и тот действительно любит всех людей!

— Какие простые и великие слова! Неужели они когда-нибудь звучали в моём сердце?

Старик вздрогнул. Он снова оглянул комнату. Книги, книги, книги без конца!

— Ни одна из вас не подсказала мне великое слово любви! Ни одна не указала святой, вечной цели!

— О! Что мы, что всё человечество будет делать на широкой свободе всех сознанных фактов, если не будет в нас любви?

— Ты любил истину, — утешал его внутренний голос. — Из мелких трудов складываются крупные вещи. Пусть каждый идёт туда, куда влекут его прирождённые или воспитанные привязанности. Свобода, свобода, полная везде и во всём.

— *Laissez faire, laissez aller!* — прошептал он и горько улыбнулся. — Иди туда, куда влекут тебя страсти, живи для самоудовлетворения *e sempre bene*.

Он долго сидел, опустив голову на руки. Потом вдруг приподнялся. Тихо встал с дивана, шатаясь и переступая с трудом, он подошёл к распятию и дрожащими руками вынул

его из старой корзины, куда был сложен всякий хлам. Он отёр с него пыль, он с любовью смотрел на чудную, артистическую работу. В ней сила красоты и сила чувства сливаются беспредельно.

— Да! Ты, один Ты умел любить человека, — шептал он, — любить беззаветно, со всей верой энтузиазма!..

В глазах у него темнело. Сердце переставало биться.

— О! Не Ты ли один, — шептал он, — ведал, что выше в этой туманной, таинственной жизни, что выше: любовь ли к истине или любовь к человеку!..

Голова его тихо склонилась на пыльный ящик, руки крепко сжали распятие и закалились. Сердце перестало биться, голова перестала работать.

Порывистый ветер распахнул окно и загасил лампу.